

Весь Мильтон

Потерянный рай

Песнь 1-я

Содержание

В первой песне сначала вкратце излагается все содержание: слушание Человека и потеря вследствие этого Рая, бывшего его жилищем; далее рассказывается о первоначальной причине его падения, о Змее или Сатане в виде змея, который восстал против Бога и, возмутив многие легионы Ангелов, был, по повелению Божию, со всем своим войском низвержен с небес в бездну. Далее, вкратце упомянув об этом, поэма повествует о Сатане с его Ангелами, низверженными теперь в Ад. Описание Ада, но не в центре мира (так как предполагается, что Небо и Земля не были еще созданы, следовательно на них и не лежало проклятия), а в области полной тьмы или, вернее сказать, Хаоса. Здесь Сатана лежит со своими Ангелами на огненном озере, уничтоженный, пораженный; через некоторое время он приходит в себя, как бы от смутного сна, зовет того, кто первый по чину лежит возле него;

они рассуждают о своем позорном падении. Сатана будит все свои легионы, которые также лежали до сих пор, точно пораженные громом: они поднимаются; число их несметно; они строятся в боевом порядке; главные вожди их называются именами идолов, известных впоследствии в Ханаане и соседних землях. К ним обращается Сатана с речью, утешает их надеждой еще вернуть Небо, и говорит им в конце о новом мире, о новых существах, которые должны быть созданы, согласно древнему пророчеству или преданию на Небе; Ангелы же, по мнению многих древних Отцов, были созданы гораздо раньше видимого мира. Чтобы обсудить истину этого пророчества, и сообразно с этим решить свой образ действий, Сатана созывает весь совет. На таком решении останавливаются его товарищи. Из преисподней вдруг поднимается Пандемониум — дворец Сатаны; адские власти сидят там и держат совет.

Воспой, небесная Муза¹, первое слушание

¹ Музы, или богини искусств и наук — образы римской и греческой мифологии; они возбуждают великодушие, направляют сердца к добру, поучают и вдохновляют смертных; поэтому древние поэты часто прибегали к помощи муз; этот обычай перешел и к поэтам позднейшего времени,

человека и плод того запретного дерева, смертельный вкус которого, лишив нас Рая, принес в мир смерть и все наши горести, пока Величайший из людей не пришел спасти нас и возвратить нам блаженное жилище. Не ты ли, о Муза, на таинственной вершине Хорива² или на Синае вдохновила Пастыря, впервые поведавшего избранному народу, как небеса и земля поднялись из Хаоса³. Или, может быть, тебе приятнее высоты Сиона и Силоамский ручей⁴, протекавший у самого прорицалища Господня⁵, то я оттуда призываю твою помощь в моей отважной песне. Не робок будет ее полет: выше горы Аонийской⁶ взвьется

например, «Мессиада» Клопштока начинается таким же воззванием.

² Хорив — гора в пустыне каменистой Аравии, где Моисей пас стада Ихэфора, когда ему явился Бог в огненном кусте.

³ В первой книге Моисея «Бытие» говорится о сотворении мира.

⁴ Источник у подошвы Сионской горы; водой его Иисус Христос исцелил слепорожденного.

⁵ Святая святых в Иерусалимском храме, где первосвященники в затруднительных случаях просили совета у Бога. По сказаниям раввинов, ответ получался через появление известных букв на нагруднике первосвященников. В Св. Писании об этом ничего не говорится.

⁶ Гора Геликон — жилище муз греческой мифологии. Здесь

она, чтобы поведать вещи, каких не смели еще коснуться ни стих, ни проза.

Тебя всего более молю о Духе Святом, Ты, для Кого прямое и чистое сердце выше всех храмов, вразуми меня; Ты все знаешь: Ты присутствовал при начале творения и, подобно голубю, распутив могучие крылья над громадной бездной, даровал ей плодотворную силу. Все темное во мне просвети, все низкое возвысь, подкрепи мой дух, чтобы я, будучи достойным того, дал уразуметь людям вечное Провидение и оправдать пути Всевышнего.

Прежде всего скажи мне, потому что ведь ни на Небе, ни в глубочайших безднах Ада, ничто не скрыто от Твоих взоров, — скажи мне прежде всего: что побудило наших прародителей, в их блаженном состоянии, столь щедро осыпанных небесными милостями, отпасть от их Творца и преступить Его волю, когда она, налагая на них только одно запрещение, оставляла их владыками всего остального мира? Кто первый соблазнил их на эту измену? Проклятый Змей: он, в своем коварстве, кипя завистью и мстостью, обольстил проматерь человечества, когда за гордость был низвергнут с Неба со всем сонмом мятежных Ангелов. Он мечтал, надменный, подняв восстание,

намекается на то, что поэт стремится к таким высоким вещам, для которых недостаточно вдохновения этих муз.

с их помощью возвыситься над всеми небесными властями; он надеялся даже стать равным Всевышнему. С такими дерзновенными замыслами против престола и царства Господа Бога он поднял на Небе нечестивую войну. Тщетная попытка! Всемогущий сбросил его с небесных пространств в кромешную бездну гибели; в безобразном своем падении, объятый пламенем, стремглав летел он в бездонную пучину. Страшная кара ждала там дерзновенного, осмелившегося поднять руку на Вседержителя: закованный в алмазные цепи, он должен томиться там в муках неугасимого огня. Уже прошло столько времени, сколько для смертных девять раз день сменяется ночью, а он, побежденный, все еще лежал со своим ужасным войском в огненном море, погибший и все-таки бессмертный. Но ему суждена еще худшая кара: вечно терзаться об утраченном счастье и мыслью о беспредельной муке. Он поводит вокруг зловещими глазами; безмерная тоска и страх выражаются в них, но вместе с тем и непреклонная гордость, непримиримая злоба. Одним взглядом, так далеко, как может проникать только взор бессмертных, озирает он пространства обширные, дикие, полные ужаса; эта страшная тюрьма заключена в круге, как в громадном пылающем горниле, но пламя это не дает света: в видимом мраке оно только явственнее выделяло картины скорби, места печали, унылые

тени, где никогда не могут быть известны мир и покой; даже надежда, которая никого не оставляет, и та никогда не проникнет сюда; это юдоль нескончаемых терзаний, всепожирающее море огня, питаемое вечно пылающей, но не сгораемой серой. Таково жилище, приготовленное предвечным правосудием для этих мятежников; они осуждены на заключение здесь в полном мраке; от Бога и Его небесного света их отделяет пространство в три раза большее, чем расстояние от середины земли до крайнего полюса. О, как не похоже это жилище на то, откуда они ниспали! Сатана скоро узнает товарищей своего падения, раздавленных горами огненных волн и терзаемых бурными вихрями. Ближе всех к нему метался, первый после него по власти, также как по преступлениям, дух, много веков позже признанный в Палестине и именованный Вельзевулом ⁷ ?. К нему Архивраг Неба, за то названный там Сатаной ⁸ , дерзкими словами нарушая зловещую тишину, вещает так: «О, неужели ты тот дух... но как низко пал ты! Как не похож ты на того, кто в блаженном царстве света затмевал своим лучезарным одеянием мириады

⁷ Вельзевулу поклонялись филистимляне; идол его стоял в Аккароне; позднее его считали начальником над злыми духами.

⁸ Сатана — еврейское слово, означает «враг».

блестящих херувимов! Неужели ты тот самый дух, мысли, планы, гордые надежды которого были некогда союзником в смелом и славном предприятии? Теперь несчастье снова соединило нас. Ты видишь, в какую бездну низринуты мы с горней выси Тем, Кто победил нас Своими громами? Кто же подозревал о таком могуществе? Но, несмотря ни на эту силу, несмотря ни на что, чем бы Державный Победитель ни наказал нас еще в Своем гневе, я не раскаиваюсь. Потерян мой внешний блеск, но ничто не изменит во мне твердости духа и того высокого негодования, какое внушает мне чувство оскорбленного достоинства, негодования, подвигшего меня на борьбу с Всемогущим. В этой яростной войне перешли на мою сторону несметные силы вооруженных Духов, дерзнувших отвергнуть Его власть и предпочесть мою. Встретились обе силы, огласились небесные равнины громами битв, поколебался престол Всевышнего. Ну и что же, если потеряно поле сражения, еще не все погибло! У нас осталась наша непоколебимая воля, жажда мщенья, наша непримиримая ненависть, мужество. Никогда мы не уступим, никогда не покоримся; в этом мы непобедимы! Нет, ни гнев, ни Его всемогущество никогда не заставят преклоняться перед Ним, на коленях молить о пощаде, боготворить Того, Кто так недавно еще перед этой рукой трепетал за Свое

царство? О, какая низость! Такое бесчестие, такой стыд позорнее нашего падения. Но, по определению судеб, наше божественное начало и небесное естество вечны; наученные опытом этого великого события, мы не стали хуже владеть оружием, и приобрели опыт: мы можем теперь с большей надеждой на успех, силой или хитростью, начать вечную непримиримую войну с нашим великим врагом, тем, что теперь торжествует, и, ликуя, один, всевластным деспотом, царит в Небе». — Так говорил Ангел-отступник, стараясь хвастливыми речами заглушить глубоко терзавшее его отчаяние. Его отважный сообщник, не медля, отвечает ему: «О Царь, о Повелитель бесчисленных тронов, ты, ведший в бой несметные сонмы серафимов, ты, неустрашимый в боях, заставивший трепетать вечного Царя Небес, ты, дерзнувший испытать, чем держится Его верховная власть: силой, случаем или предначертанием судеб! Слишком ясно вижу я последствия ужасного события: наш позор, наше страшное падение! Небо потеряно для нас; наши могучие рати сброшены в глубочайшую пропасть и гибнут в ней, как только могут гибнуть боги и небесные естества. Правда, мрачен наш блеск, и былые дни блаженства поглощены в пучине нескончаемых зол, но дух наш непобедим; прежняя мощь скоро вернется к нам. Но что, если наш Победитель (я невольно признаю Его теперь

Всемогущим, ибо только всемогущая власть могла преодолеть такую силу, как наша), — что, если Он оставил нам всю крепость духа для того лишь, чтобы дать нам силы переносить наши муки и исполнить этим Его гневное мщение, или для того, чтобы на нас, как на военнопленных, возложить самые тяжкие труды в недрах Ада, где мы должны будем работать в огне или служить Его гонцами в глубинах преисподней?.. К чему послужит нам тогда сознание неутраченной силы и бессмертия, неужели для того только, чтобы сносить вечные муки?»

На это Дух зла быстро отвечал: «Падший херувим! В труде или в страдании быть слабым — вот величайшее несчастье. Знай одно: добро никогда не будет нашим уделом; напротив, естественным нашим наслаждением будет порождать вечное зло, наперекор высокой воли Того, с кем мы боремся. Если бы Его помысел захотел направить к добру наше зло, мы должны стараться расстроить Его намерения, и в самом добре всегда отыскивать источник зла: это может часто удаваться нам и, если я не ошибаюсь, может быть будет раздражать врага, отклонять от цели самые сокровенные Его предначертания. Но, посмотри, гневный победитель отозвал назад к воротам Ада исполнителей мщения, посланных Им для преследования нас. Серный град, так

беспощадно бичевавший нас во время нашего страшного падения с Неба, улегся в огненных волнах, которые приняли нас в себя. Гром, с бешеной яростью гнавший нас на крыльях багровых молний, может быть, истощив все свои стрелы, стих, наконец, в беспредельных, необъятных пространствах. Презрение или насыщенная злоба врага прекратили гонение, нам надо пользоваться случаем. Видишь там, вдали, ту печальную долину, пустынную и дикую, — это жилище скорби, без света, кроме бледного, наводящего ужас, отражения багрового пламени! Попробуем вырваться из огненных волн, и отдохнем там, если только здесь возможен покой. Соберем туда наше огорченное воинство, посоветуемся, как больше всего можем мы оскорблять врага, как нам возратить потерю, побороть страшное бедствие; может быть, мы почерпнем новые силы в надежде; если нет, — нас вдохновит отчаяние».

Так вещает Сатана ближайшему своему собрату, подняв голову над волнами и сверкая искрами из пылающих глаз. Остальные части его тела плавали на поверхности, растянувшись в длину и ширину на многие версты. Громадная его масса подобна сказочным чудовищам: порождениям земли, Титанам, восставшим на Зевса, Бриарее или

Тифону⁹, погребенному в пещере близ древнего Тарса. Или подобен он был морскому зверю Левиафану¹⁰, громаднейшему из всех существ, сотворенных рукою Бога, когда Он населял воды океанов. Часто, рассказывают мореходы, ночью, кормчий сбившегося с пути судна, увидев на белой пене норвежских волн спящее чудовище, принимает его за остров и вонзает якорь в чешуйчатую его кожу; тут находит он защиту от ветра, пока море покоится под покровом ночи, ожидая прихода желанного утра. Так, распростертый в громадном пространстве, лежал в пылающей пучине удрученный Сатана. Никогда бы не мог он не только подняться, но даже чуть-чуть приподнять голову, если бы волей всевышних Небес не было ему предоставлено полной свободы в черных его умыслах, чтобы он, делая зло другим, бездной своих преступлений навлек проклятие на свою собственную голову; чтобы он терзался все больше, видя, что вся его злоба вызывает только бесконечную доброту, благодать и милосердие

⁹ Титаны или гиганты — существа греческой мифологии, воевавшие с богами; Бриарей — один из трех братьев-чудовищ, имевших сто рук и пятьдесят голов. Они помогли богам победить Титанов. Тифон — гигант, порождавший бури и, временами, извергавший из себя пламя.

¹⁰ Об этом водяном животном упоминается в Библии.

Божие к соблазненному им человеку, а на него, Сатану, навлекает тройную меру бедствий, гнева и кары.

Вдруг он поднимается из озера во весь свой гигантский рост; раздвигает обеими руками пламя, и оно, отхлынув назад, обращает в них свои остроконечные языки и, катясь огненными валами, оставляет в середине ужасную долину. Потом, распустив крылья, он летит в вышину. Темный воздух, который он давит своей распростертой массой, чувствует непривычную тяжесть, пока он не опустился на твердую землю, если можно назвать землей то место, вечно горящее неподвижным, твердым огнем, как то озеро — текущим пламенем. Цветом оно подобно было растерзанным бокам Пелора ¹¹, когда силой подземной бури отрывает от него скалу, или раскаленным внутренностям грохочущей Энты, когда она, дыша пламенем, выбрасывает огонь и лаву, распространяя зловонный смрад и окутывая дымом сожженную землю: таково было место покоя, попираемое теперь проклятою стопою Сатаны. За ним следует ближайший его собрат; оба торжествуют, что избежали Стигийских волн ¹², как

¹¹ Пелор — северо-восточный мыс Сицилии.

¹² Волны Стикса — реки, которая, по мифологии, семь раз

боги, своей собственной силой, а не соизволением Верховной Власти.

— И эта страна, эта почва, этот воздух должны заменить нам небесное жилище! — воскликнул Архангел. — Вместо небесного сияния будет окружать нас этот унылый мрак? Пусть так; Тот, Кто остался теперь Владыкой, может распоряжаться и повелевать по произволу; быть как можно дальше от Него всего лучше для нас, равных Ему по разуму, равных, которых Он превзошел только силой. Простите, счастливые долины Небес, обитель вечной радости, прости! Привет вам, ужасы тьмы! Привет тебе, Ад! Преисподняя, встречай твоего нового владыку; он приносит тебе непреклонный дух; не изменят его ни время, ни место. Дух живет сам в себе; он может внутри себя из Неба сделать Ад, и Ад превратить в Небо. Не все ли равно, где я буду жить — я останусь все тем же, что есть, а чем бы я ни был, я всегда буду ниже Того, Кто возвысился надо мной только благодаря Своим громам. Здесь, по крайней мере, мы будем свободны. Самодержавный властитель не позавидует этому месту; отсюда Он не изгонит нас. Здесь царство наше будет безопасно, а, по-моему, царствовать даже в Аду — достойно честолюбия. Лучше царствовать в Аду, чем подчиняться на

опоясывала подземный мир.

Небе!

— Но зачем же оставляем мы наших верных друзей и союзников, соучастников нашего бедствия, в безмолвном ужасе на озере забвения? Разве мы не призовем их разделить с нами это злополучное пристанище? Или еще раз, объединившись, не попробуем, что можем мы вернуть в Небе или что еще утратить в Аду? — так говорил Сатана.

Вельзевул отвечает ему: «Вождь лучезарных сонмов, которых никто бы не мог победить, кроме Вседержителя! Пусть раздастся Твой голос, верный залог надежды среди опасностей и страха, голос, так часто воодушевлявший в минуты отчаяния, в разгаре битвы, где она кипела всего ожесточеннее; пусть раздастся этот голос, верный знак к приступу, и легионы твои мгновенно оживут и воспрянут с новым мужеством. А теперь они мечутся в беспамятстве, распростерты на том огненном озере, как мы недавно; они поражены и потрясены. Неудивительно, после падения с такой неизмеримой выси!»

Едва он закончил, как Сатана направляется к огненной бездне. Он откинул назад свой тяжелый щит; массивный, громадный круг висит на его плечах, подобно луне, которую по вечерам

Тосканский ученый¹³ с Фиезольских¹⁴ высот или с равнины Вальдарно¹⁵ разглядывал в оптическое стекло, стараясь различить новые земли, реки, горы на ее, усеянном пятнами, шаре. Опираясь на копьё, в сравнении с которым величайшая сосна, срубленная на горах Норвегии, чтобы превратиться в мачту для величайшего из наших кораблей, показалась бы тростинкой, идет он неверными шагами по горящим глыбам. Те ли это воздушные стопы, какими, бывало, проносился он по небесной лазури! Жгучий жар огненных сводов, духота и смрад причиняют ему тяжкие страдания, но он все переносит и, наконец, достигает берега огненной пучины. Там он останавливается; он зовет свои легионы. То были лишь тени ангельских ликов; они лежали, наваленные друг на друга, словно осенние листья, покрывающие густым слоем Валломбросские¹⁶ ручьи, осененные тенистыми

¹³ Галилей — изобретатель телескопа. Мильтон, в свою бытность в Италии, посещал в Сиене, близ Флоренции, знаменитого астронома, ослепшего и, вследствие преследований инквизиции, томившегося в изгнании.

¹⁴ Фиезольская гора, возвышающаяся над Флоренцией и ее окрестностями.

¹⁵ Вальдарно — место, где находится теперь Флоренция.

¹⁶ Валломброза — лесистая местность в нескольких милях от Флоренции.

куполами Этрурийских лесов; так густо покрывал берега Черного моря переломанный бурей тростник, когда Орион ¹⁷ яростными ветрами взволновал море, и волны его потопили Бузириса ¹⁸ с его Мемфийской конницей, когда он коварно преследовал бывших обитателей Гесема ¹⁹, а те смотрели с безопасного берега на плывущие трупы, колеса, разбитые колесницы врага. В таком жалком, растерзанном виде, подавленные ужасом, лежали эти легионы, густо усеяв поверхность озера. Сатана зовет их так громко, что голос его раздаётся в глубочайших ущельях Ада: «Князья, Цари, Воины, лучший цвет Неба, некогда вашего, теперь потерянного для вас! Возможно ли, чтобы такое уныние овладевало бессмертными? Или, утомясь в войне, вы избрали это место для отдыха от ваших подвигов? Можно подумать, с таким спокойствием предаётесь вы здесь сладостной дремоте, точно в долинах небесных. Иль, может быть, вы дали клятву в этом униженном положении воздавать

¹⁷ Орион — великан и отважный охотник, получивший от отца своего, Нептуна, способность ходить по морю; он был поселен среди звезд и образовал созвездие, в котором насчитывается до 2000 звезд. Орион считался богом ветров.

¹⁸ Бузирисами называли на берегах Черного моря фараонов из Бузириса, города у восточного рукава Нила.

¹⁹ Израильтяне, вышедшие из Египта.

поклонение победителю? А Он в эту минуту смотрит, как херувимы и серафимы, разбитые, уничтоженные, валяются здесь вместе с обломками своих знамен и оружий! Верно вы ждете, чтобы быстрые слуги Его, разглядев с небесных высот наше плачевное положение и воспользовавшись им, бросились на нас и приковали громовыми стрелами на дне этой бездны? Проснитесь, восстаньте! Или оставайтесь падшими навек!»

Они, заслышав его голос, сгорая от стыда, воспрянули. Так часовой, которого строгий начальник застал спящим, вздрагивает и смутно озирается кругом, пока совсем не очнется от сна. Падшие Ангелы не сознавали ужаса своего положения, не чувствовали ужасных мук, но голос вождя мгновенно выводит их из оцепенения, и они, эти бесчисленные легионы, послушно покоряются ему. Так, в тот роковой для Египта день, когда могущественный жезл сына Амрамова²⁰ взмахнул над берегом, черные тучи саранчи, гонимые восточным ветром, как ночь повисли над нечестивым царством Фараона и затемнили все нильские страны: так же бесчисленны были падшие Ангелы, парившие под адскими сводами сквозь огонь, охватывавший их сверху, снизу, отовсюду.

²⁰ Моисей.

Но вот их великий Султан²¹ поднял свое копьё; по этому знаку они плавно опускаются на затверделую серу, заняв своей массой всю равнину. Никогда многолюдный север не извергал такой толпы из ледяных чресл своих, когда дикие сыны его, перейдя Рейн и Дунай, подобно стремительному потоку, наводнили юг, разлившись от Гибралтара до песчаных пустынь Ливийских.

Начальники отрядов, вожди легионов, выйдя из рядов, спешат к тому месту, где остановился их великий полководец. Богоподобные, они блистают красотой, далеко превосходящей человеческую; они, некогда облеченные царским достоинством, восседавшие на тронах в небесном царстве. Теперь же и след их имен уничтожен в небесных летописях; своим возмущением они навсегда стерли их из книги жизни²². Им еще не были наречены новые имена, данные им сынами Евы, когда Господь, чтобы испытать человеческую слабость, дозволит им ходить по земле; тогда, хитростью и обманами, они развратили большую часть человеческого рода; они совращали людей забывать Создателя, и часто соблазняли их:

²¹ Здесь Сатана назван султаном, вероятно, потому, что во времена Мильтона турецкие полчища часто наводняли христианские земли, например, Венгрию, Австрию.

²² См. «Исход», глав. 32:33.

невидимый образ Давшего им бытие уподоблять образу скотов, которых украшали и чествовали с веселыми обрядами на торжествах, исполненных пышности и блеска, или поклоняться злым духам, как божествам; тогда они стали известны людям под именами различных идолов языческого мира.

Муза, скажи мне имена, известные тогда; кто первый, кто последний, стряхнув с себя сон, поднялся с огненного ложа на призыв своего великого царя; расскажи, как они все, каждый по своему чину, по одиночке, приближались к нему на обнаженный берег, где он остановился, между тем как толпа, еще не пришедшая в себя, держалась в отдалении.

Главными вождями были те духи, которые, вырвавшись впоследствии из Ада и бродя по земле для отыскания себе добычи, дерзнули ставить свои капища рядом с храмами Господа Бога, воздвигать свои алтари рядом с Его алтарями, и, заставив народы обожать себя как богов, простерли свою дерзость до того, что стали оспаривать царство Иеговы, Который, окруженный серафимами, правит громами с высоты Сиона. О мерзость! Кумиры их часто ставились в самом святилище Всевышнего. Священные обряды, праздничные торжества осквернялись их богохульством; с своим мраком они осмеливались приступать к Его божественному свету!

Первый приближается Молох²³, ужасный царь, запятнанный кровью человеческих жертв; напрасно лились слезы отцов и матерей; вопли младенцев, которых влачили в огонь, на алтарь мрачного идола, заглушались громом труб и литавр. Ему поклонялись аммонитяне в Раббе²⁴ и во всей влажной долине, в Аргобе и Васане²⁵, до самых дальних берегов Арнона²⁶. Ему мало было дерзновенного приближения к священным местам: он развратил еще мудрое сердце Соломона; прельщенный его обманом, царь этот воздвиг ему капище напротив храма Господня, на горе, ставшей с тех пор горой позора; и прелестная долина Енномская осенилась дубравой, посвященной Молоху; с тех пор она стала называться Тофетом²⁷ или черной Геенной, прообразом Ада.

23 Молох или Малькам, бог аммонитян, которому приносились человеческие жертвы.

24 Рабба — главный город аммонитян.

25 Аргоб — местность к востоку от Генисаретского озера, в царстве Васанском.

26 Арнон — ручей, служивший границей между землями моавитян и аммонитян.

27 Тофет — место в Енномской долине, к юго-востоку от Иерусалима; там израильтяне, предавшиеся идолопоклонству, приносили жертвы Молоху, сжигая детей на кострах.

Второй был Хамос²⁸, ужас и срам сынов Моава! Ему поклонялись от Арфира до Нававы, в знойных степях Аворима, в Гезебоне и Хоронаиме²⁹, Сеонских царствах и далее, за пределами цветущей долины Сивмы, одетой виноградниками, и в Элеале до Асфальтского моря³⁰. Под другим именем, Фегора, дух этот соблазнил в Ситтима³¹ бегущих с берегов Нила израильтян на развратное поклонение себе, что вовлекло их в великие несчастья. Отсюда он распространил эти сладострастные оргии до той горы соблазна, у дубравы, посвященной человекоубийце — Молоху. Там разврат царствовал вместе со злодейством, пока благочестивый Иосия не низринул идолов в Ад.

За ними следовала толпа духов, которые от берегов древнего Евфрата до реки, составляющей границу между Египтом и Сирией, были обожаемы

²⁸ Хамос — бог моавитян; он назывался также Тором, Ваалом и Веелом.

²⁹ «Пророчество Исая», 15:5, «Иеремии», 40:35.

³⁰ Мертвое море.

³¹ Ситтим — моавитская долина напротив Иерихона, последняя остановка израильтян перед переходом через Иордан; там они были вовлечены моавитянами в идолопоклонство. См. «Книга Чисел», 25:3.

под общими именами Ваала и Астарофа³², первые — мужского, вторые — женского пола: духи могут принимать облик того или другого пола, или одновременно оба — так легко их естество, не связанное ни одним нервом, не отягченное никакой грубой оболочкой, не держащееся на брэнном костяном остове, подобно тяжеловесной плоти.

Но в какой бы форме ни являлись они, в воздушной или телесной, блестящей или темной, они всегда искусно приводят в исполнение свои быстрые планы, то поселяя в нашем сердце любовь, то разжигая в нем ненависть. Часто дети Израилевы оставляли ради них Творца, давшего им жизнь, и, забыв Его законный престол, простирались перед скотами, изображавшими этих богов. Вот почему головы их, привыкшие нагибаться под гнетом позора, так низко склонялись в битвах, так бесчестно пали от меча презренных врагов. С ними, окруженный своей свитой, явился Астарэф с челом, осененным полумесяцем; финикияне называли его Астартой, царицей Неба. Ночной порою, при свете луны, сидонские девы пели гимны и приносили мольбы перед блестящим изображением богини; такими же песнями в честь ее оглашался Сион; там,

³² Это были преимущественно идолы сидонцев, финикиян и самаритян. Под именем Ваала подразумевалось солнце; Астарта, или луна, считалась его супругой.

на горе обиды, стоял ее храм, построенный женолюбивым царем, который, поддавшись обольщению прекрасных язычниц, поклонился мерзостным идолам.

Вслед за богиней шел Таммуз ³³; его ежегодная рана, в начале лета, созывала на Ливанские долины толпы молодых сириянок; целый день в любовных песнях оплакивали эти девы участь бога; созерцая, как тихий Адонис несет с родной скалы в море пурпуровые воды свои, они воображали, что их окрасила так кровь несчастного, ежегодно ранимого Таммуза. Порочные дочери Сиона пламенно верили этой любовной сказке. Иезекииль, стоя под священным портиком, видел их сладострастное томление, когда глазам его было открыто в видении гнусное идолопоклонство неверного племени Иудина³⁴.

Далее шел Дух, проливавший горькие слезы, когда плененный ковчег разбил его звероподобного истукана; с оторванной головой и руками он пал на пороге своего же собственного капища, посрамив

³³ Таммуз — сирийский Адонис; по их верованию, бог этот каждый год умирал и снова оживал. Женщины ежегодно оплакивали его судьбу и предавались в честь бога пороку. См. «Иезекииль», 8:13, 14.

³⁴ «Иезекииль», 8:12.

своих поклонников. Дагон — имя его³⁵, морское чудовище — получеловек, полурыба. Это не мешало городу Азоту воздвигнуть ему великолепный храм, и по всему побережью Палестины, в Гафе, в Аскалоне и до пределов Аккарона и Газы трепетали от имени этого божества. За Дагоном шел Риммон³⁶; очаровательным жилищем его был прекрасный Дамаск, на плодоносных берегах Авана и Фарфара, прозрачных рек. И он также нагло оскорблял дом Божий: однажды, потеряв прокаженного, он приобрел царя³⁷, он заставил своего победителя Ахаза разрушить Божий храм, а на его месте воздвигнуть сирийское капище, где этот слабоумный царь поклонялся им же побежденным богам и сжигал в их честь мерзкие

³⁵ Женское божество филистимлян.

³⁶ Риммон — сирийское божество, см. «Книга Царств», 4:5,18. Дамаск — древний город Сирии, был известен уже во времена Авраама.

³⁷ Нааман — полководец сирийского царя Бенадада, был поражен проказой и, услышав о чудодейственной силе пророка в Самарии, обратился к израильскому царю Ахазу, который послал его к пророку Елисею. Когда тот исцелил его, приказав семь раз выкупаться в Иордане, Нааман отказался от идолопоклонства, но царь иудейский Ахаз, низвергший идолов, сам сделался идолопоклонником.

жертвоприношения. Далее предстало множество духов, известных некогда под знаменитыми именами Озириса, Изиды и Гора³⁸, с их свитой.

Чудовищными образами и волшебствами они обольщали в Египте его фанатических жрецов, чтобы те олицетворяли своих бродящих богов не в человеческом, а зверином образе. Не избегнул этой заразы и Израиль, когда на Хориве превратил выпрошенное золото в тельца³⁹, незаконный царь⁴⁰ дважды повторил это преступление в Дане и Вефиле, уподобив образу упитанного вола своего Создателя, Иегову, в одну ночь прошедшего Египет и сокрушившего одним ударом как всех его перворожденных младенцев, так и всех его блеющих врагов.

Последним шел Велиал⁴¹, из всех падших Ангелов самый развращенный, всем существом преданный пороку, из любви к самому пороку; ему не ставили капищ, ни один алтарь не дымился для него; но кто же из злых духов чаще его проникал в

38 Озирис — египетское божество благотворной, созидательной силы солнца, света, — брат и супруг Изиды, Гора — их сын.

39 См. «Исход», 11:2, 36 и 32:2–4.

40 Иеровоам.

41 Велиал — бог ада, олицетворение низости.

храмы, осквернял алтари, когда даже священники впадали в безбожие, как дети Илия, наполнившие дом Божий буйством и развратом? Царство Велиала везде: в чертогах, во дворцах, в роскошных городах, где шум бесстыдного веселья, насилий и неправд поднимается выше самых высоких башен; когда же наступают сумерки, сыны Велиала расхаживают по ним, преисполненные наглости и винных паров. Такими видели их улицы Содома и та ночь в Гаваоне⁴², когда гостеприимный кров вынужден был выдать принятую им под свою защиту женщину, чтобы избежать еще более гнусного насилия.

Эти мятежные Ангелы были первыми по чину и власти. Слишком долго было бы называть всех остальных, хотя слава некоторых из них гремела далеко; между ними были Ионийские боги, боги народов, происшедших от Иована⁴³; эти божества признаны, однако, поздним происхождением, чем Небо и Земля, их родители, которыми они хвастают⁴⁴. Первородным сыном Неба был Титан,

⁴² См. «Кн. Судей», глава 19–20.

⁴³ Иован — Иафет.

⁴⁴ Небо и Земля (Ураний и Гея), по Гезиоду, греческ. поэту IX-го столет. до Р.Х., были первой парой богов, Кронос и Рея — второй, Юпитер и Юнона — третьей.

с огромным его потомством; младший брат его, Сатурн, похитил у него право первенства, но сам получил такое же возмездие от могущественного Зевса, своего собственного сына, родившегося у него от Реи. Так основалось на незаконном захвате царство Зевса. Сначала боги эти сделались известными в Крите и на горе Иде⁴⁵, потом они поднялись на снежные вершины холодного Олимпа и царствовали в средней области воздушного пространства. Для них это был высший предел Неба: алтари их возвышались на дельфийских утесах, в Додоне⁴⁶, и потом проникли за пределы Дориды; они распространились даже до самых отдаленных островов, когда один из этих богов бежал со старым Сатурном через Адриатическое море в Гесперийские поля, за пределы Кельтики.

Все эти духи и еще многие другие шли неисчислимыми сонмами; глаза их были потуплены и влажны; но в них вспыхнул мрачный огонь радости, когда они увидели, что господин их не поддается отчаянию и что они не погибли. При виде их лицо Сатаны как будто зарделось краской стыда, но, призвав вскоре свою обычную гордость,

⁴⁵ Ида — священная гора на острове Крите, в пещерах которой воспитывался Юпитер.

⁴⁶ В Дельфах был оракул Аполлона, в Додоне — оракул Юпитера.

надменными словами, имевшими только вид величия, но в сущности лишенными его, он рассеивает их страх и понемногу оживляет ослабевшее их мужество. При воинственных звуках труб и литавр повелевает он поднять свое могущественное знамя. Азазииль, херувим исполинского роста, требует, как права, которым он гордится, чести развернуть его; распущенное во всю величину и высоко поднятое царское знамя, имевшее древком блестящее копье, засияло на ветру как метеор. Золото и драгоценные камни богато украшают гербы и трофеи серафимов. Звонкие трубы оглашают бездну торжественными звуками. Все адское воинство испускает громкий клик, который потрясает своды Ада и распространяет ужас даже за пределами его, в царстве Хаоса и древней Ночи.

В одно мгновение поднимается в воздухе десять тысяч знамен, развеваясь в мраке бездны цветами востока; стройными рядами вырастает густой лес копий; тесно сжатые шлемы, щиты представляют непроницаемую, плотную стену; вся армия правильными фалангами разворачивается и идет под звуки дорических флейт и свирелей. Эти самые звуки воодушевляли перед боем героев древности возвышенными, благородными чувствами; не слепую ярость внушали они, но хладнокровное, непоколебимое мужество, которое

заставляло предпочитать смерть бегству или постыдному отступлению; полные гармонии, звуки эти созданы были для того, чтобы успокаивать расстроенные мысли, изгонять сомнение, страх, печаль из сердец смертных и бессмертных. Так, дышащие силой, с твердой решимостью, безмолвно шествуют падшие Ангелы под нежную музыку свирелей, облегчавшую им тяжелый путь по жгучей почве; но вот они остановились: грозен был этот сверкавший оружием фронт, развернувшийся на ужасающее расстояние; подобно воинам, поседевшим под ратными знаменами, ждут они приказаний своего могучего вождя.

Сатана окидывает опытным глазом длинные ряды вооруженных Духов; он быстро обзревает все батальоны, любит свои войска, их лицами и осанкой, прекрасными как у богов; наконец, делает перечень. Сердце его упивается гордостью, он ликует, еще больше ожесточаясь от сознания своей силы; никогда, от сотворения человека, не собиралось еще такого воинства, которое, в сравнении с этим, не показалось бы кучкой пигмеев⁴⁷, воюющих с журавлями, если бы

⁴⁷ Пигмеи — сказочный народ необыкновенно малого роста, живший в средней Африке, около истоков Нила, и будто бы всегда воевавший с журавлями, которых эти люди не превышали величиной. Плиний говорит, что их дома

даже к самим флегрийским ⁴⁸ великанам присоединить все геройское племя, сражавшееся в Фивах и Илионе ⁴⁹, вместе с богами, принимавшими участие в битве обеих сторон, и всех героев сказок и романов о сыне Уфера, в кружке британских и арморийских рыцарей⁵⁰, всех верных и неверных, обессмертивших себя в битвах при Аспрамонте, Монтальбане, Дамаске, Марокко и Требизонде, или тех, что Бизерт⁵¹ послал с берегов Африки против Карла Великого, разбитого со

строились из яичных скорлуп.

⁴⁸ По мнению некоторых авторов, война великанов, в которой принимал участие Геркулес, происходила на Флегрийских полях, близ Кум, в южной Италии.

⁴⁹ Греческие Фивы и Троя.

⁵⁰ Сын Уфера, Артур или Артус, мифический король бритов. По словам легенды, Артур жил в Цермоне, в Валлисе, со своей прекрасной супругой Гиневрой, окруженный блестящим двором, где первая роль принадлежала 12 рыцарям, которых сам король выбирал среди самых благородных и храбрых, и которые собирались всегда за круглым столом. Арморей — Бретань, бывшая также под властью Артура.

⁵¹ Аспрамонт (суровая гора), на юго-западе Италии; там происходили битвы с сарацинами. Монтальбан — гора, в 12 милях от Рима, где произошло решительное сражение между горациями и курияциями. Требизонд — Трапезунд, — Бизерт, город в Тунисе, на берегах Средиземного Моря.

всеми его войсками на полях Фонтарабийских. Так далеко было это воинство от сравнения с силами смертных, но, однако, оно повинуетя своему грозному полководцу. А он, гордый властелин, превосходя всех видом, осанкой, возвышается над ними подобно башне.

Образ его не потерял еще всего своего первоначального величия; помрачнел его божественный блеск, но и в падшем, в нем виден был Архангел: так, только что взошедшее солнце, без лучей проглядывает с горизонта сквозь туманный утренний воздух; или во время затмения спрячется за месяц и бросает на половину земли зловещий полусвет, приводя в трепет монархов, которые видят в этом предзнаменование опасных переворотов. Так, омраченный, все еще блистал над всеми гордый Архангел. Лицо его глубоко изборождено молниями, печать скорби легла на его поблеклые ланиты; но под нависшими бровями таится необузданная отвага, упорная гордыня, выжидающая минуты мщения. Глаза его свирепы; однако в них мелькнуло сострадание и угрызение совести, когда он увидел сообщников своего преступления, или, скорее, последователей, осужденных на вечные муки. Те ли это Ангелы, какими он знал их некогда в блаженном состоянии! По его вине миллионы Духов изгнаны с Неба, из-за его возмущения они навеки лишились небесного

света. Но и в померкшей славе, как верны остались они своему вождю! Так, когда небесный огонь опалит лесные дубы или горные сосны, величественные стволы с обгорелыми вершинами, обнаженные, твердо стоят на сожженной земле.

Сатана подает знак, — он хочет говорить. Ряды вокруг него удваиваются; сложив крылья, полководцы образуют около него полукруг. Они стоят в глубоком молчании; три раза начинал говорить Сатана, и три раза, вопреки его гордыне, слезы, такие слезы, какими плачут Ангелы, вырывались из его глаз. Наконец, среди тяжких вздохов, он произносит:

«О мириады бессмертных Духов! О Силы, которым нет равных, кроме Всемогущего. И борьба эта с Ним не была бесславна, как ни ужасен ее исход, в чем убеждает нас это место и эта ужасная перемена. О проклятие! Но какой высокий ум, из глубины знания прошлого и настоящего провидящий и предрекающий грядущее, мог представить себе, чтобы такие соединенные силы богов, такие силы как эти, когда-нибудь могли узнать поражение? И кто же поверит, что, даже потерпев поражение, все эти могучие легионы, после изгнания которых опустело Небо, не восстанут, не поднимутся, чтобы снова завоевать свою светлую отчизну?

Призываю в свидетели все небесное

ополчение, от моей ли нерешительности или страха погибли наши надежды? Но Тот, Кто царит Монархом Небес, до той поры прочно сидел на Своем троне, опиравшемся на древней славе, согласии, привычке; окружая Себя полным блеском царского величия, Он, однако, всегда скрывал от нас Свои силы; это породило в нас смелость к нашей попытке и погубило нас. Теперь мы знаем Его могущество, а вместе с тем и наше собственное; мы не должны вызывать Его на новую войну, но нам нечего страшиться, если бы она была объявлена нам. Самое лучшее для нас теперь, это работать втайне; хитростью, обманом достигнуть того, чего не могли взять силой; пусть узнает через нас, что тот, кто одерживает победу одной силой, только наполовину одолевает своего врага. В беспредельном пространстве могут возникнуть иные миры: и давно уже было предание на Небе, что Бог намерен создать новый мир и населить его избранным племенем, и что племя это будет любимо Им наравне с небесными сынами. Туда попробуем совершить наше первое вторжение, хотя бы только для того, чтобы обозреть тот мир; туда или в другое место! Не может эта адская яма вечно держать в оковах небесных Духов, или пучина эта долго поглощать нас во мраке. Но подобная мысль должна быть зрело обдумана в полном совете. На мир нет надежды: кто же из нас думает о

покорности? Итак, война! Война открытая или тайная!» — торжественно произнес Сатана. В знак согласия в воздух летят миллионы пылающих мечей, исторгнутых с бедра могучих херувимов. Ад внезапно осветился на далекое пространство. Надменно изрыгают они хулы против Всевышнего и, яростно стиснув оружие, ударяют им о свои звенящие щиты, оглашая Ад воинственным гулом и посылая к небесному своду вызывающие вопли.

Неподалеку возвышалась гора; чудовищная вершина ее извергала огонь и клубы дыма; остальную ее поверхность покрывала блестящая кора, — несомненный признак того, что в недрах ее скрывалась богатая руда, — следствие работы серы. Туда на быстрых крыльях спешит многочисленный легион с заступами и ломami, чтобы укрепить поле для царского стана окопами и валами. Маммон⁵² предводительствует ими. Маммон, наименее возвышенный из всех падших Духов; даже на небе взоры его и мысли были постоянно обращены вниз; его больше восхищало богатство Неба, где ноги попирали золото, чем священные видения и блаженство созерцания. Он первый своим примером и советами научил людей искать добычи в глубоких недрах земли, и они святотатственными

⁵² Маммон — сиро-халдейское слово, означает богатство, по-гречески Плутос.

руками стали расхищать из утробы своей матери-земли сокровища, которым бы лучше было навсегда оставаться погребенными.

В одну минуту в боку горы зазияла широкая рана, и маммоново войско стало вырывать золотые ребра. Удивительно ли, что золото родилось в Аду? Есть ли другая почва, более благоприятная для этого блестящего яда? Вы, хвалители бранных вещей, с удивлением говорящие о Вавилоне и сооружениях мемфисских царей, взгляните, как ваши величайшие памятники славы, силы, искусства, бледнеют перед созданием этих отверженных Духов; взгляните, с какой легкостью, в один час, они сооружают то, что люди с трудом могли бы создать веками кропотливой работы бесчисленных рук. У подножия горы вмиг было устроено множество плавильных горнов; по жилам, проведенным из озера, текут струи жидкого огня. Одни бросают туда огромные глыбы металла; другие, с изумительным искусством разделяя их породы, плавят руду, очищая ее от горячей накипи; третьи лепят в размягченной земле различные формы; посредством удивительного приспособления кипящее золото струится вниз, наполняя каждую впадину. Так, в органе, одно дуновение, пробегая по всем извилинам многочисленных трубок, выходит из них мелодичным звуком. Вскоре, подобно пару, из

земли стало вырастать, при звуках сладостных симфоний и тихого, стройного пения, обширное здание. Оно имело вид храма; его окружали пилястры и дорические колонны, увенчанные золотыми архитравами; карнизы, фризы украшены выпуклой резьбой; купол его из резного золота. Ни Вавилон, ни величественный Алькаир⁵³, при всей их пышности, ни Египет, ни Ассирия, соперничавшие друг с другом в роскоши и богатстве, даже не приближались к этому великолепию; ни дворцы их царей, ни храмы в честь их богов Бела и Сераписа, не могли сравниться с ним. Стройная громада, вознесясь во всю свою вышину, остановилась неподвижно: вдруг бронзовые ворота широко распахнулись и над гладким, ровным помостом открылась обширная внутренняя часть здания. Бесчисленные ряды блиставших люстр и пылавших факелов, питаемых Нефтью и Асфальтом, магической силой держась под сводом, изливают потоки света как бы с тверди небесной. Нетерпеливая толпа врывается туда, восхищаясь; одни хвалят работу, другие — зодчего: он еще на Небе прославился постройкой многих чудесных дворцов для Ангелов, которые восседали в них скипетроносными князьями. До такой власти возвысил их Верховный Царь, поручив им,

⁵³ Мемфис.

каждому в его иерархии, управление небесными чинами. Имя его также не было лишено славы и поклонников в древней Греции; в Авзонии люди называли его Мульцибером⁵⁴. О падении его с неба они сочинили сказку, будто разгневанный Зевс сбросил его прямо через хрустальные зубцы; будто целый летний день летел он оттуда, с утра до полудня, и с полудня до вечерней зари, и с закатом солнца, как падающая звезда, упал с зенита на Лемнос, остров Эгейского моря. Так рассказывали люди и ошибались: Мульцибер задолго до того пал вместе с низверженными мятежниками. Не помогли ему чудесные его постройки в небе, не спасли никакие ухищрения: и сам зодчий, и искусные работники его, сброшенные головой вниз, были посланы отстраивать ад.

Между тем, по повелению Державного вождя, крылатые герольды, с ужасающим церемониалом, с трубными звуками, объявляют всему войску, что торжественный совет должен немедленно собраться в Пандемониуме, величественной столице Сатаны и его сановников. Из каждого отряда, из каждого легиона призываются достойнейшие по чину или выбору; они немедленно идут на зов в сопровождении сотен и тысяч войск. Толпа теснится у всех входов, наводняя обширные

⁵⁴ Одно из прозвищ Вулкана.

портики, но особенно огромную залу (она более походила на закрытое поле, где смелые бойцы, привычные в тяжелом вооружении скакать на рьяных конях, перед тронем султана бросали цветущему языческому рыцарству презрительные вызовы на смертельный бой, или предлагали на скаку сломить копье). Густо здесь кишат Духи, и на земле и в воздухе, который они со свистом рассекают взмахами своих крыльев. Так, весенней порой, когда солнце вступает в знак Тельца, многочисленное юное поколение пчел высыпает из улья и кружится около него роями: они летают взад и вперед меж цветов, влажных от утренней росы; или, скучась на гладкой доске в преддверии соломенной крепостцы, только что натертой душистым бальзамом, рассуждают и советуются о государственных делах. Так кишели массы воздушных легионов до той минуты, когда был подан сигнал. О чудо! Эти гиганты, превосходившие громадностью всех великанов, какие когда-либо рождались сынами земли, вдруг превращаются в самых крошечных карликов; бесчисленные, они скучиваются в маленьком пространстве, подобно тому племени пигмеев, что жило за горными высями Индии⁵⁵, или подобно

⁵⁵ Здесь пигмеи помещены в Индию, как вообще сказочную страну, куда еще не проникли европейцы.

волшебным эльфам, которые в полночный час собираются на окраине леса или на берегу ручья. Запоздалый путник видит их резвые игры, или это только грезится ему, тогда как над его головой царит луна, направляя ниже к земле свое бледное шествие; а они, резвясь и танцуя, веселой музыкой очаровывают его слух, и сердце в нем замирает от радости и страха. Так эти бесплотные Духи из гигантов превращаются в бесконечно малые существа: число их несметно, но они свободно помещаются в середине чертога адского дворца; а в самой его глубине, высшие чины серафимов и херувимов, не изменяя своего вида, в замкнутом кружке, держат тайное совещание. Тысячи этих полубогов восседают на золотых тронах. Собрание полно. Наступает минута молчания, и, после короткого воззвания, начинается великий совет.

Песнь 2-я

Содержание

Совещание открыто. Сатана предлагает отважиться на новую войну с целью захвата Неба; одни стоят за войну, другие против нее. Останавливаются на третьем предложении, еще ранее высказанном Сатаной: исследовать истину пророчества или предания на Небе о другом мире,

который должен быть вскорости создан и о другой породе существ, равных или немного уступающих Ангелам. Возникает затруднение: кому доверить такое трудное поручение. Сатана один предпринимает это путешествие: ему рукоплещут, прославляют его; этим заканчивается совет. Духи рассыпаются в разные стороны, и, смотря по склонности каждого, проводят время до возвращения Сатаны. Полет Сатаны к воротам Ада. Он находит их запертыми. Наконец открывает их; виднеется необъятная пучина между Адом и Небом; с трудом Сатана переносится через нее — ему указывает путь Хаос, властитель тех стран. Наконец, вдали виден новый мир, куда стремится Сатана.

Высоко, на пышном царском троне, далеко затмевающим богатство Ормуза⁵⁶ и Индии, или тех стран, где роскошный Восток щедрой рукой осыпает своих варварских царей жемчугом и золотом, надменно восседал Сатана: на такую пагубную высоту вознесся он своим достоинством. Но из безнадежного отчаяния снова достигнув такого величия, он стремится еще далее; его преследует ненасытная жажда войны с Небом; он забыл печальный опыт, и гордыня свои мечтания

⁵⁶ Ормуз — остров на Красном море, богатый жемчугом.

провозглашает так:

«Силы, Власти, Божества Небес! Нет пучины, которая бы могла навек заточить в своих глубинах бессмертную силу: мы поражены, уничтожены, но я не считаю Небо потерянным. Мы восстанем мощью нашего небесного естества, более блестящие и более грозные, чем до падения; второй подобной участи нам нечего будет страшиться. Хотя право и непреложные законы Неба поставили меня главой над вами, но потом в этом достоинстве утвердил меня ваш собственный выбор, равно как заслуги мои в советах и в войнах. Потеря наша вознаграждена тем, по крайней мере, что прочнее укрепила за мной трон, дарованный мне с вашего полного согласия и ни для кого не завидный. В Небе с высшим достоинством соединено и высшее блаженство, — это может возбуждать зависть в низших; но здесь, кто позавидует тому, чье высокое достоинство ставит его вашим верным щитом, впереди всех, против руки Громовержца, и налагает на него самую большую долю вечных мук? Где нет благ, которые бы можно было оспаривать, там не может возникнуть ни заговора, ни раздора; никто, наверное, не станет добиваться первенства в Аду; никто не найдет свою долю настоящих мук слишком малою, чтобы в честолюбивых мечтах жаждать еще большей. Итак, здесь союз наш крепче, вера — тверже, согласие — нерушимее, чем

это может быть на Небе; с таким-то преимуществом выступим мы вновь, чтоб возвратить наше законное наследие; никогда в счастье мы не могли бы иметь такой уверенности в успехе, как теперь. Но какой путь избрать? Открытую войну или скрытую хитрость? В этом цель нашего совещания: кто хочет дать совет — пусть говорит».

Поднялся Молох, скипетроносный царь. Из всех Духов, воевавших на Небе, это был самый сильный и самый свирепый, теперь еще более свирепый от отчаяния. Он мнил себя равным Предвечному, и предпочел бы не существовать вовсе, чем быть ниже Его; не придавая цены бытию, он был чужд страха, он все презирал; ни Бог, ни Ад, ни худшее, чем Ад, ничто его не страшило. Он произносит такую речь: «Я стою за открытую войну! Не хважусь, я не силен в хитрости; пусть строит козни кто хочет, и когда будет надо, не теперь. Они будут сидеть и помышлять заговоры, а все эти миллионы, изгнанники Небес, готовые к бою, должны томиться здесь, в ожидании? Жить в этой кромешной тьме, этом позорном вертепе, тюрьме тирана, Который царствует только благодаря тому, что мы медлим? Нет, ополчимся всей яростью, всеми огнями Ада, чтобы никакая сила не могла преградить нам путь к высоким небесным башням; наши пытки мы обратим в страшное оружие против

нашего мучителя. В ответ на Свои всемогущие громы услышит Он раскаты адского грома; вместо Его молний, мы с такой же силой извергнем на Его Ангелов черное пламя и смрад. Самый трон Его будет объят чудным огнем и потоками адской серы, — Им же изобретенные пытки!

Но, быть может, путь кажется вам слишком труден; вас, может быть, устрашает мысль взлететь по этой крутизне на приступ высоких стен врага? Пусть те, кого страшит это, вспомнят, если только сонный напиток озера забвения не совершенно усыпил их память, что нас, по нашему естеству, само собою влечет вверх, к нашему родному отечеству: опускаться, падать — противно нашему естеству. Когда недавно разъяренный враг висел над последними рядами нашего разбитого войска и, издеваясь, гнал нас через пучину, кто из нас не чувствовал, как тяжело, с каким усилием двигались наши крылья, чтобы опустить нас так низко? Итак, подняться нам легко. Страхиться исхода — напрасно. Если мы раздражим снова сильного врага, мщение Его изобретет еще более ужасное средство для довершения нашей гибели, — но чего же еще можно бояться в Аду? Что может быть ужаснее как жить здесь, лишенным блаженства, осужденным на страшные муки в этой адской бездне, где будет нас вечно палить неугасимый огонь, без надежды на избавление, где мы, рабы Его

гнева, в час пытки покорно склоняемся под Его карающим бичом! Если наши муки будут еще увеличены, — мы истлеем совсем, перестанем существовать. Чего же страшиться нам? Что удерживает нас, отчего колеблемся мы распалить гнев врага до крайности? В отчаянном порыве ярости Он или совершенно истребит нас, превратит в ничто наше существо; — но разве мы не были бы счастливее тогда, чем оставаясь бессмертными в вечных муках? Или, если естество наше действительно божественно и бытие его вечно, то, даже в худшем случае, нам нечего бояться, а опыт доказал, что наших сил достаточно, чтобы тревожить Его Небо и постоянными вторжениями устрашать Его неприступный, роковой трон. Если не победа, по крайней мере мщение!» — Он закончил, и брови его сдвинулись; в глазах его горела заклятая месть и вызов на бой, выдержать который могут лишь боги.

С другой стороны поднялся Велиал; вид его более кроток и человечен. В нем Небо лишилось самого прекрасного Ангела. Казалось, он был создан для величия и благородных подвигов, но все в нем пусто и ложно, хотя из уст его лились речи, сладкие как манна; он мог представить в лучшем свете самое черное дело, и смутить, расстроить мудрейшие советы, — так в нем были низки все мысли. Изобретательный на зло, он медлил и робел

в деле, но речь его пленяет слух. Он начинает так: «Я сам стоял бы за открытую войну, о Высокие Власти, моя ненависть не уступает вашей; но главная причина, какая здесь приводится, чтобы склонить нас к немедленной войне, лишь более отклоняет меня от этой мысли, представляя последствия в самом зловещем свете. Как этот воин, больше нас всех испытанный в битвах, не доверяя своим собственным советам и силе своего оружия, основывает свое мужество на отчаянии, на совершенном уничтожении! В этом полагает он венец страшного мщения! Во-первых, как исполнить это мщение? Небесные крепости охраняются вооруженной стражей: они неприступны. Нередко небесные легионы располагаются станом на самой окраине бездны; оттуда, не страшась опасных встреч, облетают они пространное царство ночи. Но если бы, пробив себе путь силой, мы увлекли за собой весь Ад, чтобы мраком его затмить чистый свет Небес, Великий Враг наш невредимо остался бы на Своем троне; чистое, эфирное естество, которое ничто не может помрачить, скоро победоносно освободило бы Небо от нечистого огня.

После этого поражения последней нашей надеждой останется презренное отчаяние. Мы доведем всемогущего Победителя до того, что Он изольет на нас всю Свою ярость, уничтожит нас. И

в этом должно быть наше спасение! Печальное спасение! Кто бы согласился, как бы ни были велики его страдания, лишиться этого разумного сознания, этой способности мысли, обнимающей вечность, для того, чтобы погибнуть, лишиться навсегда движения, чувства и быть поглощенным громадным чревом несозданной ночи? А если бы это было к лучшему, кто знает, может ли и захочет ли этого наш гневный Враг? Что может — сомнительно; что никогда не захочет — верно. Неужели Он, столь премудрый, разом истощит стрелы Своего гнева? Неужели, по бессилию или легкомыслию, Он исполнит желание Своих врагов и в порыве гнева уничтожит жертвы, которых Его же собственное мщение сохраняет для вечной кары?

Защитники войны восклицают: «Что медлим мы!» Мы не медлим, мы обречены на вечные муки и что бы мы не сделали, страдания наши не могут увеличиться, не может быть страданий хуже! Но мы спокойно, в полном вооружении, сидим здесь, рассуждаем, — это ли высшая мера несчастий! Что было, когда, преследуемые гневом Всемогущего, стремглав летели мы в бездну под сокрушительными ударами Его грома? Тогда мы молили бездну защитить нас; тогда Ад казался нам убежищем от жестоких мук; или когда мы стонали в цепях на огненном озере? Тогда, верно, нам было

хуже. Что если дыхание, распалившее эти страшные горна, в семь раз сильнее раздует огонь, и мы будем брошены в это пламя? Или если затихшее наверху мщение снова вооружит свою багровую десницу, чтобы возобновить наши мучения? Что, если все хранилища Его гнева раскроются, если с адского свода польются огненные потоки — страшилища, что висят над нашими головами, постоянно грозя обрушиться? Даже в эту самую минуту, когда мы рассуждаем о славной войне, нас, может быть, вдруг охватит огненная буря, разнесет всех по разным скалам, пригвоздит к ним, и будем мы потехой и жертвой буйных вихрей; или вдруг сбросит нас в оковах на дно того клокочущего океана; там будем мы томиться в вечных стенаниях, не видя ни пощады, ни отдыха, ни сострадания бесконечные века! Хуже будет тогда!

Вот почему я против войны явной или тайной, — все равно! Ни силой, ни хитростью, мы ничего не можем сделать против Него. Кто обманет Его премудрость или Его всевидящее око? И теперь Он с небесных высот видит все наши тщетные стремления и смеется над ними: насколько Он всемогущ, чтобы разбить наши силы, настолько же и премудр, чтобы уничтожить все наши коварные замыслы.

Но неужели мы должны вечно терпеть такое

унижение? Мы, дети Неба, будем попраны, изгнаны и осуждены на мучения?! Увы, по-моему, лучше переносить это ужасное состояние, чем навлечь на себя еще худшее. Над нами тяготеет иго неизбежной судьбы, мы должны покориться всемогущему определению, воле Победителя. Что страдать, что действовать, силы наши одинаковы, и справедлив закон, который так устроил. Если бы мы были благоразумнее, то должны были подумать об этом, вступая в сомнительную борьбу с таким сильным Врагом.

Смешон мне тот, кто храбр, предприимчив перед боем, но как только оружие изменит ему, — трепещет перед последствиями; его страшит приговор Победителя, ссылка, бесчестие, цепи, страдания. Такова теперь наша доля: покоримся, перенесем ее терпеливо; может быть, гнев нашего Высокого Победителя смягчится со временем; мы так отдалены от Него, что Он, может быть, забудет нас, если не раздражать Его, и довольствуется теперешним наказанием; ярость этого пламени, не раздуваемого больше Его дыханием, может быть, ослабеет мало-помалу. Тогда наше чистое естество восторжествует над этим зловредным смрадом, или, освоясь с ним, мы не будем его чувствовать; наконец, самая природа наша так изменится, так приспособится к месту, что мы будем переносить этот палящий жар легко, без страданий!

Теперешний ужас пройдет со временем, мрак просветлеет, и, кроме того, кто знает, какие надежды может принести нам непрерывное течение грядущих дней? Какие перемены, какие судьбы? Злополучна теперь наша участь, но ее можно назвать счастливой, — она еще не худшая, и не ухудшится, если мы сами не навлечем на себя еще больших зол». — Так Велиал, прикрывая речь личиной благоразумия, советовал не мир, а малодушный, праздный покой, постыдное бездействие.

После него заговорил Маммон: «Какая будет цель нашей войны, если мы решим ее вести? Свергнуть с престола Небесного Царя и возвратить наши потерянные права? Свергнуть этого Царя! На это можно надеяться тогда лишь, когда изменчивый Случай станет законом судьбы и Хаос — судьей нашего великого спора! На первое так же тщетно было бы надеяться, как и на второе. Какое же место можем мы занять в небесном пространстве, не победив великого Царя Небес? Положим, Он смягчится, объявит всеобщее помилование, взяв с нас новую клятву в покорности; с каким чувством будем мы, в этом унижении, стоять перед Ним, принимая строгий закон славословить в гимнах его величие, петь в Его хвалу притворные аллилуйя, в то время как Он, наш грозный Царь, Которому мы будем мучительно завидовать, будет восседать на

Своем троне, и к алтарю Его станут возноситься благоухания амвросии и ароматы цветов, наших раболепных приношений! И в этом будут заключаться все наши обязанности, вся наша отрада на Небе! Целую вечность поклоняться Тому, Кого ненавидишь! О, как это тяжело! Зачем же стремиться к тому, чего приобрести силой невозможно, и чего мы сами не могли бы принять как милость; зачем добиваться нам пышного рабства, хотя бы это было даже на Небесах!

Постараемся лучше найти счастье в самих себе; в этом обширном пространстве будем жить для себя, независимо, никому не давая отчета, предпочитая тяжелую свободу легкому игу пышного раболепства. Здесь мы увенчаем себя еще большей славой, если ничтожными средствами будем достигать великих целей, вред превращать в пользу, из бедствия создавать счастье. Наконец, перестрадав, перетерпев наши муки, мы достигнем спокойствия и будем даже благоденствовать здесь.

Может ли страшить нас этот глубокий мрак? Разве вокруг Вседержавного трона Царя Небес не собираются иногда темные тучи, но это не омрачает Его славы. Он окружает Себя величием мрака; из черных туч гремят громы, и тогда Небо становится похожим на Ад. Разве мы не можем подражать его свету, как Он подражает нашему мраку? В этой пустынной стране скрыто много сокровищ, много

драгоценных камней, золота. У нас хватит искусства превратить их в чудеса великолепия: какой же большой блеск может выказать Небо? Между тем, со временем, муки наши сделаются нашей родной стихией; этот жгучий огонь, нестерпимый теперь, станет нам приятен, наша натура, сродняясь с болью, станет нечувствительна к ней. Итак, все склоняет нас к миру, к прочному порядку вещей; обдумаем, как всего лучше можем мы успокоиться в настоящем бедствии, сообразно с тем, кто мы и где наше жилище, отказываясь от всякой мысли о войне. Вот мое мнение.»

Едва он закончил, как по всему собранию прошел ропот, как будто из горного ущелья вырвался сдержанный в нем гул ветра, что всю ночь волновал море и только к утру своим хриплым свистом убаюкал измученных усталостью и бессонницей моряков, корабль которых после бури бросил якорь в утесистом заливе. Такой шум раздался от рукоплесканий, когда Маммон закончил свою речь; его советы сохранить мир привели в восторг все собрание, так как второй подобной войны все страшились хуже самого Ада: такой ужас вселил в них небесный гром и пламенный меч Михаила. У всех было теперь одно желание: основать в этой глубине царство, которое бы при мудром управлении, с течением веков, возвысилось до соперничества с Небом.